не произошло переворота въ мысляхъ, до тѣхъ поръ жизнь не становится иною, какъ бы ни были значительны внѣшнія перемѣны. Дабы могла произойдти перемѣна въ мысли, человѣкъ долженъ остановиться и обратить вниманіе на то, что нужно понять ему. Въ наше время для измѣненія жизни не нужно предпринимать ничего: нужно только остановиться, не дѣлать того, что дѣлаютъ люди, сосредоточиться и подумать. Въ старину, когда еще не вполнѣ выяснилась бѣдственность языческой жизни, люди могли безсознательно поддерживать рабство, казни, войны, могли разумными доводами защищать свое положеніе. Теперь же это невозможно: люди нашего времени могутъ вести языческую жизнь, но не могутъ оправдывать ее. Стоитъ только остановиться въ своей дѣятельности, примѣнить требованія разума и сердца къ окружающимъ условіямъ своей жизни, и будетъ ясно, что наши поступки образуютъ вопіющее противорѣчіе съ совѣстью и разумомъ. Нынѣшнее устройство жизни поддерживается непрестанной суетой людей; она не даетъ имъ опомниться. Людямъ некогда очнуться, оглянуться на себя и на міръ и спросить себя: что я дѣлаю, зачѣмъ? Сила, которая произвела меня на свѣтъ съ моимъ разумомъ и способностью любить, произвела не для того, чтобы я вообразилъ, будто, для достиженія наибольшаго блага своей личности, я могу распоряжаться, какъ хочу, своею и другими жизнями.

Дабы осуществилось Царствіе Божіе, люди должны любить другъ друга безъ различія лицъ, семейныхъ отношеній и народностей. Дабы измѣнилось ихъ пониманіе жизни, необходимо, чтобы они опомнились. А для этого они должны, хотя на время, остановиться въ своей горячечной дѣятельности.

XIV.

Спокойное отношеніе къ смерти и возможность легко переносить страданія, которыя выпадаютъ на долю человѣка—вотъ великія блага, ожидающія людей, готовыхъ жить по закону Бога [55]).

Если бы люди съ ложнымъ представленіемъ о жизни мыслили правильно, то не боялись бы смерти. Нѣтъ ничего страшнаго въ томъ, сказалъ бы человѣкъ, что я умру. Въ моемъ тѣлесномъ существованіи происходятъ разнообразныя перемѣны; я не боялся и не боюсь ихъ. Въ смерти нѣтъ ничего, противнаго моему